

⁶⁸ Шмидт С. О. Размышления об «историографии историографии». С. 350.

⁶⁹ Зимин А. А. Обретение свободы. С. 89.

⁷⁰ Шмидт С. О. Размышления об «историографии историографии». С. 350.

⁷¹ Кашианов С. М., Чернобаев А. А. Зимин Александр Александрович (1920–1980). С. 808.

⁷² Там же.

⁷³ Зимин А. А. Дети становятся взрослыми. С. 6–82.

⁷⁴ Там же. С. 809.

⁷⁵ Шмидт С. О. Размышления об «историографии историографии». С. 351.

⁷⁶ Зимин А. А. Обретение свободы. С. 88.

Статья поступила в редакцию 29.11.2006 г.

С. В. Сосновских

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ СЕРЕДИНЫ 1930-х гг. НА УРАЛЕ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ

Проблема политических репрессий середины 30-х гг. XX в. представляла и представляет большой интерес как для зарубежных, так и для отечественных исследователей.

В зарубежной историографии данная тема была поставлена и основательно разработана в трудах Р. Конквеста¹. Он впервые ввел термин *б о л ь ш о й т е р р о р* для обозначения периода массовых репрессий, когда карательные меры осуществлялись не против какой-то конкретной категории населения, а против всего населения в целом.

Массовые репрессии середины 30-х гг. XX в. освещаются также в работах М. Малиа, Н. Верта и ряда других западных авторов². Следует отметить, что зарубежные исследователи крайне негативно оценивают массовые репрессии и ту роль, которую сыграл в них Сталин: «Большой террор» — это «вершина сталинских преступлений и наиболее фантастическое из всех деяний сталинизма»³. По их мнению, в ходе репрессий Сталин обратился против большевизма как такового и уничтожил ленинскую партию. В связи с этим в работах западных авторов «большой террор» нередко трактуется как государственный переворот.

Причины массовых репрессий зарубежные исследователи видят в той травме, которую нанесла обществу первая пятилетка.

По вопросу о хронологических рамках массовых репрессий среди зарубежных авторов серьезных разногласий нет. Так, например, Р. Конквест и

СОСНОВСКИХ Светлана Владимировна — аспирантка факультета международных отношений Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

© Сосновских С. В., 2007

Н. Верт называют 1936–1938 гг., М. Малиа — 1937–1939 гг. Но все согласны с тем, что переломным моментом явился 1937 г. Малиа следующим образом обосновывает свою хронологию «большого террора»: «До 1937 года “чистки” — очищение партии, с 1937 года — “чистки” — кровопускания»⁴, а «к 1939 г. Сталин, завершив в основном свои преобразования в стране, превратился в главный “винтик” собственной машины»⁵.

Следует отметить, что, с точки зрения Малиа, репрессии в целом и «большой террор» в частности были не под силу одному Сталину: «...Тотальный вождь — продукт тотальной системы. А в одиночку без системы, Сталин-человек никогда не сумел бы безнаказанно свершить дело столь абсурдное, как сталинизм»⁶.

Зарубежные исследователи, особенно Р. Конквест, оказали значительное влияние на разработку проблемы политических репрессий в отечественной литературе. Ярким примером могут являться работы О. В. Хлевнюка, В. Н. Кудрявцева и ряда других историков⁷.

Особый интерес в данном случае представляет работа Хлевнюка, в которой автор анализирует, почему именно 1937 г. стал отправной точкой для «большой чистки». Исследователь приходит к выводу, что до поры до времени Сталин не мог не считаться с высшими партийными органами власти — политбюро и ЦК, а также с местными партийными органами власти, которые не всегда безоговорочно принимали решение центра⁸. Те же выводы можно встретить в работах В. Н. Кудрявцева и Р. Конквеста.

Последним реальным препятствием на пути «большого террора» Хлевнюк называет Г. Орджоникидзе, гибель которого считает несчастливой⁹. Р. Конквест в своей монографии прямо говорил, что смерть Орджоникидзе — дело рук Сталина¹⁰.

В годы «большого террора», с точки зрения Хлевнюка, «страна жила как бы в двух измерениях. В одном остались ночные аресты, расстрелы, тюрьмы и лагеря. В другом — устанавливались рубиновые звезды на Кремлевских башнях, принимались решения о снижении розничных цен»¹¹. Проблеме жизни граждан страны в двух измерениях поднимает не только Хлевнюк. Об этом идет речь в статьях уральских историков А. В. Бакунина, С. И. Быковой и др.¹²

Сворачивание репрессивного курса, по словам О. В. Хлевнюка, в середине 1938 г. проявилось в смене Ежова на Берию: «Сталин решил свалить всю вину за массовый террор на руководство и работников наркоматов»¹³. По мнению Р. Конквеста, Сталину блестяще удалось это сделать: «То, что “большой” террор считался в основном делом рук наркома внутренних дел Ежова, было триумфом Сталина»¹⁴.

Аккуратность, с какой убирали Ежова, расценивается Хлевнюком как свидетельство того, что Сталин опасался вызвать слишком широкий общественный интерес к деятельности НКВД.

Причины сворачивания массовых репрессий исследователь видит в том, что к 1938 г. Сталин, во-первых, достиг «высшей власти», во-вторых, ему удалось уничтожить «старую гвардию», в-третьих, к этому времени в обществе усилилось сопротивление репрессиям¹⁵. Отсюда автор делает вывод, что советский народ — не податливая масса, из которой можно слепить любые фигуры: «Репрессии и чистки так и не искоренили до конца инакомыслие»¹⁶.

Другую точку зрения по поводу причин сворачивания репрессий можно встретить в работе В. Кудрявцева и А. Трусова: «...Репрессии, развернувшиеся после убийства Кирова, приняли такой размах, что привели к параличу управленческого, а частично и партийного аппарата, <...> возникла угроза выхода органов госбезопасности из-под высшего партийного контроля»¹⁷.

На уральском материале проблема политических репрессий раскрывается в работах А. В. Бакунина, О. Ю. Винниченко, В. М. Кириллова, Р. Т. Москвиной, Н. Н. Попова, А. С. Смыкалина, В. С. Терехова, В. Н. Хаустова и ряда других исследователей¹⁸.

Теоретические вопросы данной проблемы были подробно изложены в исследованиях А. В. Бакунина и Р. Т. Москвиной. Они согласны с большинством зарубежных и отечественных авторов в том, что репрессии вызваны отсутствием жизненной основы для нормального функционирования коммунистического хозяйства, для удержания власти в руках большевиков в условиях отсутствия зрелых социально-экономических условий для перехода к новому строю.

А. В. Бакунин в своей работе указывал на утопичность идеи коммунизма как на одну из причин неизбежности репрессий: «Поднять такое общество на осуществление утопических целей и вместе с тем обезопасить и укрепить власть был призван не только могущественный политико-идеологический прессинг, но и особенно формирующийся репрессивный аппарат, система беззакония, насилия и террора сверху донизу»¹⁹. Отсюда он делает вывод, что репрессии — неотъемлемый элемент советского тоталитаризма. Тех же взглядов придерживается Р. Т. Москвина²⁰.

Рассуждая о том, кто виновен в развязывании и проведении «большого террора», А. В. Бакунин призывал не переоценивать влияние исторических традиций и недостаток политической культуры в обществе, так как это может привести к оправданию тех сил, которые повинны в массовых репрессиях: «Нередко приходится читать, что в массовых репрессиях 30-х гг. не виноваты руководители правящей в СССР партии или карательных органов, невиновны непосредственные исполнители, а повинна только система, созданная в стране. <...> Можно только поражаться абсурдности подобных выводов. Физически уничтожались десятки миллионов россиян и никто не виноват!»²¹.

В отличие от американского исследователя М. Малиа Бакунин считал Сталина непосредственным виновником репрессий: «В период большого

террора в конце 30-х гг. на представленные списки “врагов народа” Сталин давал команду “Всех расстрелять” и ставил свою подпись. С ним соглашались члены Политбюро ЦК ВКП(б). Единоличный приговор диктатора приводился в исполнение»²².

Многие современные историки разделяют мнение Бакунина о личном участии Сталина в репрессиях. Напрямую об этом говорится в работе В. М. Кириллова: «Операция по изъятию “антисоветского элемента” тщательно планировалась и утверждалась лично Сталиным»²³. Из западных авторов такой точки зрения придерживался один из крупных исследователей проблемы репрессий Р. Конквест: «Все репрессии были хорошо спланированы, заранее подготовлены, они не выходили ни на минуту из-под контроля Сталина»²⁴.

Большинство исследователей считают, что массовые репрессии второй половины 30-х гг. XX в. были закономерным явлением, подготовленным всем предыдущим ходом событий: «Репрессии усиливаются после того, как режим сформировался, то есть террор 1937 г. — это нормальное функционирование сложившегося режима»²⁵.

Кроме того, значительная часть историков признает, что массовые репрессии были хорошо спланированы. В. М. Кириллов, например, называет время, за которое было осуществлено планирование: «Начиная с 13 мая 1935 года в течение двух лет работы Комиссии безопасности Политбюро, появляется разработанный в деталях план “большого террора”»²⁶.

Однако в статье зарубежного исследователя Н. Верта можно встретить ссылку на некоторых историков из американской ревизионистской школы, которые оспаривают идею, что Сталин планировал развитие событий в 1936–1938 гг. Эти историки, по словам Н. Верта, настаивают на усилившемся напряжении между центральной властью и местным аппаратом. Последний, желая предотвратить удар, который был предназначен ему самому, направлял террор против многочисленных «врагов народа», демонстрируя тем самым центру свою бдительность. Отсюда представители американского ревизионизма делают вывод о бесконтрольном расширении репрессий в 1936–1938 гг.²⁷

По вопросу о хронологических рамках «большого террора» между уральскими историками особых разногласий нет, впрочем, как и между отечественными и зарубежными исследователями в целом. Пик «большого террора», по мнению А. В. Бакунина, падает на 1937–1938 гг., но он продолжался и в 1939–1941 гг., когда были расстреляны многие работники НКВД и КГБ, командиры Красной армии, партийные, советские и хозяйственные работники²⁸.

В. М. Кириллов считает, что кульминацией массового террора явилась первая половина 1938 г. Затем началось торможение, так как главная цель была достигнута — «страна сломлена, люди оцепенели от страха»²⁹.

Результаты проведенной тотальной чистки оцениваются Кирилловым неоднозначно: с одной стороны, Сталин стал безоговорочным диктатором, с другой стороны, ему подчинилась слабая страна.

В целях восстановления революционной законности, согласно Кириллову, были репрессированы те, кто в годы «большого террора» особо старались на поприще доносов. А Ежов стал той необходимой жертвой, на которую впоследствии можно было возложить ответственность за крайности «большого террора»³⁰.

Другой уральский исследователь, В. Н. Хаустов, массовые репрессии 1937–1938 гг. рассматривает не иначе как политику геноцида по отношению к собственному народу³¹. Исследователь согласен с Малиа, что репрессии явились «мощным стимулятором в условиях невыполнения пятилеток и нарастания агрессии со стороны Германии и Японии»³².

В статье Хаустов поднимает вопрос о том, что для проведения репрессий были необходимы соответствующие кадры, в связи с чем Сталин в 1934–1937 гг. дает наркомам внутренних дел распоряжение об ужесточении деятельности управлений государственной безопасности. По его словам, в 1934 г. после проверки была признана неудовлетворительной работа начальника Свердловского областного управления НКВД И. Ф. Решетова, который был арестован 8 июня 1937 г. и расстрелян 30 октября 1937 г.³³

Историей репрессий против номенклатуры на уральском материале занимались О. Ю. Винниченко, Г. Е. Корнилов, Н. Н. Попов, А. В. Сушков, М. А. Фельдман и др.

О. Ю. Винниченко, исследуя проблему репрессий против номенклатуры на Урале, предлагает расширить хронологические рамки массовых репрессий против данной категории: «...Массовые репрессии среди советских работников низового звена активно проходили в течение 1933–1937 гг.»³⁴ По мнению автора, сначала репрессии коснулись низших эшелонов власти, а уже собственно в 1937 г. — средних и высших. Толчком к этому послужило увольнение с последующим судебным разбирательством в конце 1936 г. председателя Свердловского облисполкома В. Г. Головина и весной 1937 г. председателя Челябинского облисполкома М. А. Советникова³⁵.

Интересна оценка, которую дает Винниченко массовым репрессиям: «...Это трудно расценивать как проявление чрезвычайщины, это скорее всего можно назвать “стилем работы” 30-х гг. по руководству страной и уральской деревней в частности»³⁶.

Винниченко поддерживает Н. Н. Попов, говоря о том, что на Урале массовые репрессии действительно начались задолго до 1937 г., когда они достигли своего максимума.

Достижение пика репрессий на Урале Н. Н. Попов связывает с «делом Кабакова»³⁷. Последний, как известно, являлся первым секретарем Уралоб-

кома ВКП (б). В конце 1936 — начале 1937 г. НКВД сфабриковал «дело» о так называемом уральском штабе восстания, который якобы существовал с 1929 г. и объединял троцкистов и правых уклонистов. Руководителем этого штаба и был назван И. Д. Кабаков.

Подробные обстоятельства исключения Кабакова из партии с последующим арестом рассматриваются в статье А. В. Сушкова³⁸.

В своих работах многие уральские историки поднимают тему особенностей репрессий на Урале как в политическом, так и в экономическом аспекте. Так, например, В. М. Кириллов и М. А. Фельдман обращают наше внимание на то, что потери коммунистов Урала были более тяжелыми, чем по стране в целом, что стало одной из главных причин того спада в экономике Урала, который пришелся на 1937–1938 гг.³⁹

Особый интерес в этом плане представляет работа коллектива авторов «37-й на Урале»⁴⁰. Эта книга была одной из первых, наиболее полно освещающих репрессии против работников Свердловской партийной организации, против представителей инженерно-технической интеллигенции и военных. Помимо описательной части в работе дается оценка урона, понесенного Свердловской партийной организацией в середине 1930-х гг.

По мнению Н. Н. Попова, только для Урала было характерно то обстоятельство, что областные руководящие органы обновлялись здесь в 1937–1939 гг. по несколько раз. Вместе с тем Попов отмечает, что и новые работники аппарата в тогдашней атмосфере подозрительности не пользовались доверием⁴¹.

Точку зрения Попова разделяют Г. Е. Корнилов и О. В. Оболенская: «За 1937–1939 гг. пост первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) занимали И. Д. Кабаков, А. Я. Столяр, К. Н. Валухин»⁴². Авторы видят одной из целей репрессий укрепление культа Сталина, хотя тут же отмечают, что верность вождю не служила гарантией от репрессий.

Но были и такие, кто на волне массовых репрессий делали свою карьеру. Попов приводит в пример первого секретаря бюро обкома ВКП(б) в Оренбурге А. Ф. Горкина: «Он оказался “бдительнее” своих товарищей, написав на них доносы в НКВД»⁴³. В результате, как констатирует автор, был переведен на высокую должность в Москву.

О. В. Хлевнюк отмечает, что подобное поведение в годы «большого террора» было нормой: «...Появилось большое количество мелких жуликов и настоящих преступников, превративших доносы в выгодный промысел. Сообщая информацию НКВД, они сводили счеты, убирали начальника, чтобы продвинуться по служебной лестнице»⁴⁴.

В ходе репрессий второй половины 1930-х гг. были арестованы все директора и многие инженерно-технические работники, что, с точки зрения Н. Н. Попова, обусловило еще одну особенность репрессий — урон промышленности Урала.

Репрессиям против представителей научно-технической интеллигенции на Урале в 20–30-е гг. XX в. посвящен сборник «Дела и судьбы», в котором в качестве апогея гонений на интеллигенцию рассматриваются 1937–1938 гг. Авторы сборника подчеркивают, что репрессии против научно-технической интеллигенции не были случайными: «Репрессии призваны были “отводить” потенциальную угрозу сталинскому режиму еще до того, когда она могла стать реально опасной для его существования»⁴⁵. Уничтожение цвета инженерного корпуса Урала, вынесшего на себе значительную часть работы по возрождению уральских заводов, оценивается крайне отрицательно.

На уральском материале репрессии против инженерно-технических кадров раскрывают в своих работах А. И. Делицой, М. Е. Главацкий, В. С. Терехов и др.⁴⁶

Исследователи, сравнивая репрессии против инженерно-технических кадров в начале и в середине 1930-х гг., приходят к выводу, что отличительным признаком репрессий 1936–1938 гг. был их закрытый, жестокий и массовый характер.

Другой отличительной чертой являлось то, что участники процессов начала 30-х гг. «...относились к так называемой буржуазной технической интеллигенции. До революции они являлись управляющими и акционерами крупнейших горных округов и заводов Урала. Прошлое этих людей и было главным их “преступлением”. Жертвами репрессий 1937–1938 гг. являлась совершенно другая генерация инженерно-технической интеллигенции. В подавляющем большинстве это были практики без специального образования либо специалисты, окончившие советские учебные заведения, выдвинувшиеся на рубеже 20–30-х гг. и заменившие “буржуазных” инженеров»⁴⁷.

А. Ф. Кузнецов в работе, посвященной репрессиям в лесной промышленности края, отмечает, что время массовых репрессий сопровождалось явным спадом в развитии лесных отраслей края. Вместе с тем автор обращает внимание читателей на тот факт, что документальные материалы по лесной промышленности опровергают миф о том, что репрессии были направлены против «начальства», интеллигенции вообще. В значительной степени «врагами народа» был сам народ: лесорубы, трактористы⁴⁸.

Еще одной категорией, подвергшейся политическим репрессиям в середине 30-х гг. XX в., была молодежь. Массовым репрессиям против молодежи Урала во второй половине 30-х гг. посвящена работа Ю. А. Стецурой. Автор пишет, что партийно-политическое руководство использовало комсомол не для формирования свободной, творческой личности, а для воспитания безропотной, исполнительской, недумающей, фанатично верящей партии массы.

Со Стецурой согласна Р. Т. Москвина: «Включенность индивида в общественные организации (партию, комсомол и др.) носит принудительный

характер, и эти организации не защищают индивида от произвола властей, напротив, через них режим пробивает каждую клетку жизнедеятельности общества»⁴⁹.

Стецура отмечает, что органы НКВД в середине 30-х гг. XX в. регулярно докладывали в партийные органы о «контрреволюционных антистахановских проявлениях» и о привлечении к уголовной ответственности юношей и девушек за отказ участвовать в стахановском движении и критику его. В результате подобных действий со стороны НКВД, по словам автора, на Урале стало процветать лжеударничество. Так, например, в Мотовилихе было вычислено 517 лжеударников⁵⁰.

В. М. Кириллов, рассуждая о степени сопротивления народа властям, пишет: «...Можно говорить о массовых антисоветских настроениях, отдельных актах протеста и террора, но не о крупных антисоветских организациях. В 30-х гг. просто не существовало возможности для их функционирования на Урале»⁵¹.

За годы «большого террора» было ликвидировано все руководящее ядро партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций. Арестованы, расстреляны и отправлены в лагеря все руководители крупных трестов и промобъединений, ведущих заводов и новостроек, видные ученые и командующие Красной армии, представители художественной и инженерно-технической интеллигенции, иностранные специалисты и рабочие.

По мнению ряда отечественных историков, последствия репрессий второй половины 30-х гг. до сих пор сказываются на развитии нашей страны: «...Теперь “репрессированное сознание” части соотечественников остается серьезным препятствием на пути формирования свободного демократического общества в России»⁵².

¹ См.: *Конквест Р.* Большой террор: Пер с англ.: В 2 кн. Рига, 1991; *Он же.* Жатва скорби // *Вопр. истории.* 1990. № 1.

² См.: *Малиа М.* Советская трагедия: История социализма в России, 1917–1991: Пер. с англ. М., 2002; *Верт Н.* «Социально чуждые элементы» и циклы репрессий // *Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии:* Пер. с фр. М., 2001.

³ *Малиа М.* Советская трагедия. С. 252.

⁴ Там же. С. 271.

⁵ Там же. С. 266.

⁶ Там же.

⁷ См.: *Хлевнюк О. В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; *Кудрявцев В., Трусов А.* Политическая юстиция в СССР. М., 2000.

⁸ См.: *Хлевнюк О. В.* 1937-й. С. 25.

⁹ См.: Там же. С. 143.

¹⁰ См.: *Конквест Р.* Большой террор. С. 289.

¹¹ См.: *Хлевнюк О. В.* 1937-й. С. 212.

¹² См.: *Бакунин А. В.* Сталинская модернизация Урала // *Урал в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф.* Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 387–392; *Быкова С. И.* Террор и

его интерпретация (по документам «субъективной истории» Урала в 1930-е гг.) // Там же. С. 398–401.

¹³ Хлевнюк О. В. 1937-й. С. 221.

¹⁴ Конквест Р. Большой террор. С. 220.

¹⁵ См.: Хлевнюк О. В. 1937-й. С. 268.

¹⁶ Там же. С. 268.

¹⁷ Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. С. 80.

¹⁸ См.: Бакунин А. В. История советского тоталитаризма: В 2 кн. Екатеринбург, 1997. Кн. 2; Винниченко О. Ю. Номенклатура и репрессии 30-х гг. (на материале местных Советов Урала) // История репрессий на Урале в годы Советской власти. Екатеринбург, 1994; Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала, 1920 — начало 1950-х гг.: В 2 ч. Н. Тагил, 1996; Москвина Р. Т. Репрессии как неотъемлемый элемент сталинской тоталитарной политической системы // История репрессий на Урале в годы Советской власти; Попов Н. Н. Сталинские репрессии на Урале во второй половине 30-х гг. // Там же; Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997; Терехов В. С. Политические репрессии инженерно-технической интеллигенции Урала в 1930-е гг. // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. 1917–1980-е гг. Н. Тагил, 1997; Хаустов В. Н. Репрессии второй половины 30-х гг. // История репрессий на Урале в годы Советской власти.

¹⁹ Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. Кн. 2. С. 80.

²⁰ См.: Москвина Р. Т. Репрессии как неотъемлемый элемент сталинской тоталитарной политической системы // История репрессий на Урале в годы Советской власти.

²¹ Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. Кн. 1. С. 80.

²² Там же. С. 81.

²³ Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. Ч. 1. С. 208.

²⁴ Конквест Р. Большой террор. С. 9.

²⁵ Москвина Р. Т. Функции репрессий в тоталитарном политическом режиме // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. С. 40.

²⁶ Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. Ч. 1. С. 199.

²⁷ См.: Верт Н. «Социально чуждые элементы» и циклы репрессий.

²⁸ См.: Бакунин А. В. Основные этапы политических репрессий в СССР // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. С. 5–15.

²⁹ Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. Ч. 1. С. 210.

³⁰ См.: Там же. С. 211.

³¹ См.: Хаустов В. Н. Репрессии второй половины 30-х гг. // История репрессий на Урале в годы Советской власти. С. 99.

³² Малия М. Советская трагедия. С. 100.

³³ См.: Хаустов В. Н. Репрессии второй половины 30-х гг. С. 101.

³⁴ Винниченко О. Ю. Номенклатура и репрессии 30-х гг. (на материале местных Советов Урала) // История репрессий на Урале в годы Советской власти. С. 16.

³⁵ См.: Там же. С. 17.

³⁶ Там же. С. 18.

³⁷ См.: Попов Н. Н. Сталинские репрессии на Урале во второй половине 30-х гг. С. 75.

³⁸ См.: Сушков А. В. Май 1937: Трагедия секретаря Свердловского обкома // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: В 2 т. Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 247–251.

³⁹ См.: Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. Ч. 1. С. 216; Фельдман М. А. Уральские организации ВКП(б) в 1938 — июне 1941 г. // История репрессий на Урале в годы Советской власти. С. 132.

⁴⁰ См.: 37-й на Урале. Свердловск, 1990.

⁴¹ См.: Попов Н. Н. Сталинские репрессии на Урале во второй половине 30-х гг. С. 75.

⁴² Корнилов Г. Е., Оболенская О. В. Репрессии против сельскохозяйственных кадров

Среднего Урала во второй половине 30-х гг. // История репрессий на Урале в годы Советской власти. С. 114.

⁴³ Попов Н. Н. Сталинские репрессии на Урале во второй половине 30-х гг. С. 75.

⁴⁴ Хлевнюк О. В. 1937-й. С. 172.

⁴⁵ Дела и судьбы: Научно-техническая интеллигенция Урала в 20–30-е гг. Екатеринбург, 1993.

⁴⁶ См.: Делицой А. И., Главацкий М. Е. Дело «Уральского инженерного центра» // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. С. 177–185; Терехов В. С. Политические репрессии инженерно-технической интеллигенции Урала в 1930-е гг. // Там же. С. 164–176.

⁴⁷ Терехов В. С. Политические репрессии инженерно-технической интеллигенции Урала в 1930-е гг. С. 175.

⁴⁸ См.: Кузнецов А. Ф. Репрессии на Урале в 20–30-е гг. в лесных отраслях // История репрессий на Урале в годы Советской власти. С. 117.

⁴⁹ См.: Москвина Р. Т. Функции репрессий в тоталитарном политическом режиме // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. С. 44.

⁵⁰ См.: Стецюра Ю. А. Революционный пафос и трагизм поколения 20–30-х гг. Екатеринбург; Пермь, 1995. С. 99–100.

⁵¹ Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. Ч. 1. С. 222.

⁵² Попов Н. Н. Сталинские репрессии на Урале во второй половине 30-х гг. С. 76.

Статья поступила в редакцию 27.11.2006 г.

Д. А. Сизов

ФОРМИРОВАНИЕ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ЮЖНОГО УРАЛА (1930–1950-е гг.)

Несмотря на то, что, начиная с XVIII в., вклад Южного Урала в развитие оборонной промышленности России нарастал, формирование его как крупнейшего, специализировавшегося на производстве вооружений и боеприпасов промышленного центра началось после 1927 г., когда советское правительство взяло курс на подготовку ко Второй мировой войне. До этого поворотного в истории Южного Урала события оборонная промышленность региона была представлена в основном старыми предприятиями горнозаводской зоны, которые получали металл с местных металлургических заводов, издавна производивших качественную специальную сталь и медь для немногочисленных предприятий машиностроения оборонного профиля.

СИЗОВ Дмитрий Александрович — преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Челябинского государственного института музыки им. П. И. Чайковского (E-mail: sizovdimon@rambler.ru).

© Сизов Д. А., 2007